

АЛЕКСАНДР МАНУЙЛОВ

КОНЕЦ · ДЕНЕГ

А. С. Мануйлов

Конец денег

«Издательские решения»

Мануйлов А. С.

Конец денег / А. С. Мануйлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744585-0

Деньги — это градусник, которым человечество взялось измерять температуру своих страстей. Линейка, приложенная к жизни, которая никогда ни во что не укладывается, — и так необходимая нам по нашей слабости, по недостаточности глазомера. В. В. Хохряков

ISBN 978-5-44-744585-0

© Мануйлов А. С.
© Издательские решения

Содержание

Благодарность	6
Предисловие	7
Вступление	9
Часть I. По эту сторону теории	11
Глава I. Пространство времени, язык и деньги	11
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Конец денег

А. С. Мануйлов

© А. С. Мануйлов, 2017

© Антон Александрович Чижёнок, дизайн обложки, 2017

© Пауль Клее, иллюстрации, 2017

Редактор Василий Васильевич Андрианов

Корректор Ольга Игоревна Новожилова

ISBN 978-5-4474-4585-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Деньги – это градусник, которым человечество взялось измерять температуру своих страстей. Линейка, приложенная к жизни, которая никогда ни во что не укладывается, – и так необходимая нам по нашей слабости, по недостаточности глазомера.

В мире, оставленном богами, человеку становится неуютно. Человек предоставлен самому себе. Но вот, денежки берут на себя функции полицмейстера коммуникации.

И мы уже не одиноки; перед нами – наше волшебное зеркало, наш исповедник и проповедник. Это – деньги.

Ласковый друг и грозный судия, женщина и мужчина, призрак и присутствие – всё это деньги. На них, как на стержень, нанизывают реальность.

Деньжата – это загадка. Бескрайний путь – и абсолютный тупик. Это мы их изобрели – или они нас? Мы пользуемся ими, как языком, – или они пользуются нами?.. Недаром о деньгах говорят, как о человеке: хождение.

Портрет денег и их друзей; их соседей, их почивших родственников и неродившихся детей – это трактат Александра Мануйлова. Портрет написан отчасти в романтической, отчасти в антиромантической манере. Сам о себе он заявляет как об эскизе. И вместе с тем, устремлен к эпической полноте.

Портрет ли это друга, или портрет врага, – каждый решит для себя.

В. В. Хохряков

Благодарность

Всем поколениям моей семьи – Е. А. Мануйловой и С. И. Мануйлову, Л. П. Козловой, моим учителям – В. В. Андрианову, О. И. Минину, С. И. Николаеву, тем, кто вдохновлял и помогал создавать книгу – О. И. Новожиловой, В. В. Хохрякову, А. А. Чижёнку, Л. А. Шилову, Т. Ю. Бочарову, В. В. Андрианову, В. Т. Шумовскому, верным друзьям и всем великим, у кого стоит учиться.

Предисловие

Посвящается памяти А. Гхоша и В. М. Ливищу

Нельзя сказать, что задачей данной книги является исключительно критика существующей сегодня системы, системы ценностей и убеждений, скорее это попытка свести к нулю текущие представления, как это сделал Джон Кейдж в «4:33» или Казимир Малевич в «Черном квадрате», чтобы затем начать новый отсчет, обнаруживающий иные закономерности, которые в данный момент либо плохо узнаваемы, либо попросту стерты агрессией стереотипов и современной мифологией. Сведение к нулю – это попытка рассмотреть то, что осталось после выбора, то, что он исключил и что существует сродни деньгам, являясь потенциалом, все еще не реализованным. Это взгляд, направленный не из центра, а с периферии, потому что именно там находятся те интервалы, которые до сих пор не заполнены, хотя кажется, что система функционирует эффективно, а сбои – ее неотъемлемая часть. В этих местах проявляется вся абсурдность, хаос построения экономики, политики и социальных законов, опоясывающих жизнь субъекта. И вполне вероятно, что исследование потребности покупать круассан определенной длины или привычки оставлять дверь в спальню незапертой может открыть не меньше смыслов в повседневности, которые в свою очередь идут дальше, оказывают влияние на окружающую реальность, оставаясь абсолютно незаметными, поэтому и настолько действенными. Пренебрежение повседневностью, обыденной жизнью лишь увеличивает социальную и экономическую энтропию, как бы парадоксально это ни звучало. Тем не менее противоречий становится всё больше, и сегодня уже нет возможности не замечать их.

Поиск метода исследования, техники, при помощи которой постепенно рождается картина, когда художник накладывает своей кистью слой красок, заполняющих холст, раскрывающих панораму, и появляется светотень, превращающая двухмерное пространство в трехмерное, привел меня к отрывку из романа Жоржа Перека «Жизнь способ употребления»:

«Лишь на первый взгляд искусство пазла кажется искусством недалеким, искусством неглубоким, целиком уместяющимся в узких рамках гештальт-теории: рассматриваемый предмет – идет ли речь о восприятии, обучении, физиологической системе или, как в занимающем нас случае, о деревянном пазле – есть не сумма отдельных элементов, которые приходится предварительно вычленять и затем анализировать, а настоящая система, то есть такая форма, некая структура: элемент не предшествует системе, не опережает ее ни по своей очевидности, ни по своему старшинству; не элементы определяют систему, а система определяет элементы: познание законов целого не может исходить из познания составляющих его частей; это означает, что можно три дня подряд разглядывать отдельную деталь пазла и полагать, что знаешь все о её конфигурации и цветовой гамме, но при этом не продвинуться ни на йоту: по-настоящему важной оказывается лишь возможность связывать эту деталь с другими деталями...»¹.

И действительно, связь между дискурсами в информационном поле, своеобразными элементами целого оказывается настолько значимой, порой она даже играет более важную роль, чем каждый дискурс как феномен, поскольку она меняет их пропорцию и соотношение (управление/подчинение), а общая картина (универсальный пазл) имеет свойство преобразовываться, благодаря этим связям:

---

¹ Перек Ж. [Регес Г.] Жизнь способ потребления. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2009. С. 11

«Внутри одной и той же системы мы должны допустить наличие психологических, экономических, технических, культурных и политических взаимодействий. Взаимодействия этих факторов часто бывают более важны, чем внутреннее содержание любого из них, взятого в отдельности»².

Написать эту книгу оказалось сложной задачей из-за мрачной мысли о том, что большинство людей на планете получило большое количество формальных прав, к примеру, выбор правительства, право на нерегламентированную личную жизнь и свободу выбора профессии, но, к сожалению, так и не воспользовалось ими в полной мере (возможно, никогда и не воспользуется), причиной чему механизмы (машины), вырабатывающие не столько классовые, сколько материальные предрассудки. Изобретенные человеком, они давным-давно функционируют автономно, вызывая почти инстинктивную ответную реакцию, о чем свидетельствуют каноны потребления в современном обществе.

Можно сказать, что эта книга написана не субъектом, а множеством, целой толпой, чтобы сделать воспринимаемым не себя, а то, что заставляет человека думать, чувствовать, принимать решения, иногда действовать, а иногда смиренно молчать. Идея этой работы посетила одного из множества, скрывшегося за фамилией, довольно давно – примерно весной 2008 года. Но я медлил, вынашивал её, не решаясь брать на себя интеллектуальную ответственность и предлагать с другой стороны взглянуть на существующую систему ценностей, зная заранее, что многие будут настроены категорически против нее. У книги нет прямого объекта, она написана в разном темпе; скорость и стиль периодически меняются, порой даже она становится вязкой, но тут же наступает новый абзац, и все преобразовывается. Не ставя перед собой задачу решить судьбу цивилизации, я, один из множества, лишь озвучиваю, вернее, описываю, раз речь идет о книге, некоторые мысли о деньгах и времени, вероятно, не доведенных до безукоризненной точности, однако местами претендующих на некоторое внимание со стороны людей мыслящих, возможно, также относящихся к множеству.

Следует признать, что и собственное нежелание окупаться в мир постиндустриальных ценностей, постмодернистских игр (безусловно, речь лишь о тех, что выходят за рамки искусства и научного дискурса), а также нестабильное финансовое положение заставляло меня искать варианты выхода из замкнутого круга воспроизводства одних и тех же ценностей, вне зависимости от континента, культуры и общности нации. Встретившись с большим количеством сложных противоречий, завуалированных в хаосе рекламы, моды, политического стиля управления, появляющихся все чаще в виде плакатных лозунгов, я решил взять шариковую ручку (именно шариковую) и приступить к изложению идей.

В качестве небольшого примечания стоит отметить, что эту книгу можно читать в привычном порядке, начав с первой части и закончив второй, но существует и еще одна возможность – начать чтение со второй части, затем продолжить его первой частью, либо вовсе не обращаться к ней.

---

² Форрестер Д. [Forrester J.W.] Динамика развития города. М.: Прогресс, 1974. С. 119

Вступление

Только исходя из мироощущения тоскующего стремления и его прояснения в идее судьбы, мы можем приступить к проблеме времени... словом «время» обозначается нечто в высшей степени личное, нечто такое, что мы вначале упоминали как собственное, поскольку оно ощущается с внутренней достоверностью, как противоположность тому чуждому, которое вмешивается в жизнь из мира чувств, при его посредстве и под его влиянием. «Собственное», «судьба», «время» – суть заменяющие друг друга слова...³

О. Шпенглер

Сначала были не деньги. Было время. Оно, должно быть, оказывало меньшее влияние на людей. Но все изменилось с изобретением часов. И сегодня уже почти не остается сомнений, что данное изобретение – не столько катализатор технического прогресса, сколько революция в сознании человека. По сути был создан параллельный мир, в котором ориентирами перестали выступать знаки природы, в силу вступили созданные человеком системы координат и циферблат. Трудно себе представить современного человека, поверившего интуитивному ощущению времени, он верит только часам. Точно так же невозможно заставить индийца эпохи хараппской цивилизации выстраивать свой день строго по часам. Измененное сознание человека отныне подчинено времени, и простые механические часы, любой другой носитель информации о времени активно влияет на развитие современной цивилизации. Возможность в ограниченный промежуток времени поместить определенное количество задач, безусловно, стимулирует процессы, за которые отвечает человек, служит дополнительным мотиватором и ограничителем. Но потеря универсального мироощущения, раздробленность времени, выделение времени субъективного («*априорной формы созерцания явлений*»⁴), личного, основанного, прежде всего, на чувственном восприятии на фоне необратимо текущего общего времени («единство «вне себя»»⁵), эквивалента, объединяющего людей, привела к тому, что человек оказался в совершенно новой системе координат, где его личное время связано с общим временем при помощи чисел, абстракции, измеряющей движение времени, его длительность (минута, час, сутки и т. д.). Фактически числа связывают чувственное восприятие с формальным измерением времени, что само по себе парадоксально, тем не менее, если, к примеру, разобраться в том, каким образом проявляются значения чисел в пространстве денег, ситуация покажется куда более парадоксальной.

Итак, деньги относятся многими специалистами к наиважнейшим изобретениям человека, порой их даже ставят в один ряд с появлением письменности, электричества, сети Интернет. Стоит признать, что по мере влияния, по охвату реальной и абстрактной территории, равного эквивалента деньгам не существует. И в то время, когда создавался свод законов Хаммурапи, а Амар-Уту еще мог вызвать отклик в душе человека, близкие экономические процессы вызвали потребность создать эквивалент разнообразных видов товаров и услуг в Древнем Египте, Вавилоне, Античной Греции и Риме. Был ли это эволюционный процесс, приведший независимо от воли людей к тому, что некоторые предметы стали дифференцированными, заняв место посредника в акте обмена, или же речь идет о соглашении между людьми, открывшими для продвижения стоимостей в меновом обороте специальные знаки, подобно тайнописи, не символические, но материальные, сказать сложно. Согласно рациона-

---

³ Шпенглер О. [Spengler O.A.] Закат Европы. Образ и действительность: в 2-х т. Т. 1. Новосибирск: ВО Наука, 1993. С. 187

⁴ Кант И. [Kant I.] Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.

⁵ Хайдеггер М. [Heidegger M.] Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. Харьков: Фолио, 2003. С. 393

листической концепции деньги – экспериментальная теоретическая конструкция, по эволюционной – особый товар; в любом случае данный эквивалент формирует на протяжении нескольких тысячелетий отношения между субъектами. И обращение штучных денег в металлические (серебро, золото), появление знаков стоимости, бумажных и кредитных денег, электронные деньги и пластиковые карты, чеки, развитые денежные системы – от биметаллизма к монометаллизму – система обращения кредитных и бумажных денег – все эти процессы привели к тому, что на данном этапе развития деньги воспроизводят самое себя, порой даже без участия человека. И эта «желающая машина» не знает пощады.

Часть I. По эту сторону теории

Веру в то, что «это есть так-то и так-то» нужно превратить в волю, чтобы «это было так-то и так-то»...⁶

Ф. Ницше

Глава I. Пространство времени, язык и деньги

---

⁶ Ницше Ф. [Nietzsche F.W.] Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцк и др. М.: Культурная Революция, 2005. С. 337

Пауль Клее «Магический сад», 1926

Пока речь идет о пространстве, можно продолжать деление сколько угодно: это ничего не меняет в природе того, что делают...⁷

А. Бергсон

Однако язык, как перформация всякой языковой деятельности, не реакционен и не прогрессивен; это обыкновенный фашист, ибо сущность фашизма не в том, чтобы запрещать, а в том, чтобы понуждать говорить нечто...⁸

Р. Барт

Для того чтобы определить связь между временем, деньгами и языком, достаточно просто на минуту представить, что бы могло произойти, если бы одно из этих полей исчезло из современной жизни. Вероятнее всего, наступил бы в лучшем случае информационный коллапс, в худшем коммуникация была бы полностью утрачена, и человечество неминуемо ждал бы тотальный глобальный кризис, который бы затронул практически все сферы жизнедеятельности. Безусловно, такой сюжет маловероятен, да и невозможен, скорее всего. Тем не менее в условиях повседневной жизни в определенный момент каждое из данных полей испытывает кризис, будь то вымирание языков, денежный дефицит или потеря (захват) личного времени, наиболее стабильного, хотя и подверженного постоянным вторжениям со стороны пространства денег.

Общее пространство, к которому обращается философская мысль многих цивилизаций и поколений философов⁹, в современном мире является территорией мифа, и даже государственность – формальная политическая и культурная основа для многих – на деле превращена в плод фантазии. Внутри государства могут быть максимально приближенные друг к другу, порой даже одинаковые условия существования, основанные на законах, системе управления, культурном кодексе, но никак не пространство, состоящее из личных впечатлений, выводов, повторяющихся, но совершенно не похожих поступков и времени, незримо присутствующем во всех проявлениях. Его протяженность, неограниченная с позиции общего времени, по факту составляет период от рождения до смерти человека. Пространство повседневности, которое видит, а точнее ощущает субъект, является общим, и лишь время проживается индивидуально. И как бы субъект ни пытался его ограничить системами счислений, разбить его протяженность на фрагменты, оно все равно продолжает идти вне зависимости от влияния извне. Фундаментальность, в некотором смысле устойчивость и прочность времени доказывают тот факт, что оно не подвергается изменениям, как бы человек ни стремился влиять на него. Одностороннее воздействие на время является абсурдным убеждением современного человека, готового сопоставить собственное восприятие времени с процессами, которые происходят во времени. Проживать собственное время – непростая задача, такая же, как употреблять свой язык, неизвестный другим субъектам. Он лишает субъекта коммуникации. За личным временем (чувственное восприятие общего времени человеком, возможность использовать время) и особенностями владения языком скрывается переживание, ощущение, понимание, индивидуальное, не причастное к процессу взаимодействия с другими субъектами. Однако именно структура общения между людьми предполагает наличие констант, позволяющих действовать синхронно, получать отклик на результат действий (вопрос/ответ, запрос/реализация). Глав-

---

⁷ Бергсон А. [Bergson H.] Собрание сочинений: опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память: в 4-х т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. С. 290

⁸ Барт Р. [Bart R.] Актная лекция, прочитанная при вступлении в должность заведующего кафедрой литературной семиологии в Коллеж де Франс 7 января 1977 года [Электронный ресурс] / пер. с франц. Г. К. Косикова: ВГБИЛ / Р. Барт // Философский портал. URL: <http://www.philosophy2.ru/library/barthes/lect.html> (дата обращения: 04.02.2013)

⁹ Античные атомисты, Г. Лейбниц, И. Кант, М. Хайдеггер и др.

ные точки пересечения, благодаря которым выстраиваются связи между государствами, политическими объединениями, финансовыми корпорациями и отдельно взятыми людьми, – три кита, на которых строится любая коммуникативная система, – время, язык, деньги. Идеология является надстройкой, пользующейся в той или иной степени каждым из перечисленных связующих звеньев. Если время можно охарактеризовать как абстракцию, переживаемую человеком от рождения до смерти, то язык (в широком смысле слова) – средство, определяющее роль человека (животного, насекомого и т. д.) в сообществе. В данной триаде деньги оказываются наименее гибким звеном, рассчитанным на замкнутый круг функций: обмен и воспроизводство. Фактически «деньги» являются не менее отвлеченным понятием, чем «время» и «язык». Язык материализуется на письме и в речи, хотя, в отличие от бумажных денег, подержать его в руках невозможно. Время материализуется в средствах его измерения и наблюдения за ним, то есть в часах, тогда как деньги – в акте отдачи и приобретения, так как сами по себе вне контекста товаров и услуг ценности не представляют. Но, в отличие от времени, они способны воспроизводить себя в условиях современной макроэкономики. Жан Бодрийяр отмечает факт самовоспроизводства системы:

«Короче говоря, люди повсюду сталкиваются с той точкой, где динамика роста и изобилия становится кругообразной и обращается на самое себя, где все более и более система исчерпывает себя в самовоспроизводстве. Это порог пробуксовки, когда весь излишек производительности идет на поддержание условий выживания системы. Единственным объективным результатом оказывается тогда раковый рост цифр и балансов, но по существу это возвращает общество к первоначальной стадии, к стадии абсолютной нищеты, к стадии животного или туземца, все силы которых идут на выживание...»¹⁰.

Деньги, как и язык, являются доступным благом, потому как в их создании участвует сам субъект. Именно его потребности, нередко навязанные системой, регулируют как денежный оборот, так и немотивированные желания, подстерегающие современного человека на каждом шагу:

«Развитой корпорации доступны средства контроля над ценами, по которым она продает товары, а также над ценами, по которым она покупает товары. Корпорация не только контролирует цены, но способна также управлять тем, что покупатель приобретает. Контроль и управление порождены планированием. Планирование обуславливается техникой и капиталом, требующими длительного производственного периода, и падающей эффективностью рынка в отношении специализированных средств производства и квалифицированного труда»¹¹.

Возвращаясь к триаде время/деньги/язык, важно разобраться, в каком качестве они функционировали ранее, на каком уровне (политический, экономический, социальный (коллективный), этический, психоаналитический и т. д.) развивались и что представляют из себя сегодня, в начале XXI века.

В архаических обществах понятие «время» явно не соответствовало современному определению

---

¹⁰ Бодрийяр Ж. [Baudrillard J.] Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, Республика, 2006. С. 46

¹¹ Гэлбрейт Д. [Galbraith J.K.] Новое индустриальное общество. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004. С. 306

«Время – форма последовательной смены явлений и состояний материи»¹²).

Оно едва ли переживалось индивидуально в социуме, коллективе, выполняющем структурированные действия (ритуалы, обряды, праздники), и принадлежало всей социальной группе, а не субъекту:

«В традиционном обществе составляющая сознания „общество внутри нас“ определяет сознание данного индивида, но в то же время эта составляющая точно так же определяет сознание и всех других членов данного социума. Поэтому сознания всех „вибрируют в унисон“, а нарушения норм сближает их, вызывает одинаковые чувства»¹³.

Интимность переживания времени, о которой впрямую говорить после распада традиционного коллективного сознания¹⁴, отделяет общее время (каким оно и является формально) от личного, еще не приобретенного, но уже потребляемого. Повседневность, а чаще всего включенность субъекта в общие социальные процессы, неосознанные привычки уничтожают главную особенность времени – нейтральность. Зачастую человек переживает индивидуально время, которое ему не принадлежит, то есть оно ангажировано им; возможно, покажется, что субъект отвечает за выбор, реализацию личного времени, но чаще всего выбор уже сделан социальной системой, сообществом (подсчитано, сколько нужно времени на выполнение того или иного действия (работы), представлены варианты, как лучше тратить время (досуг) и т. д.), в котором находится субъект. Следовательно, меняются функции времени, хотя номинально его трансформации не происходит.

«Свободное время может быть заполнено всякой игровой деятельностью, но прежде всего это свобода потерять свое время, „убить“ его в известных случаях, израсходовать его в чистой трате. Вот почему недостаточно сказать, что досуг „отчужден“, потому что он является только временем, необходимым для восстановления рабочей силы. „Отчуждение“ досуга имеет более глубокий характер: оно не состоит в прямом подчинении его времени труда, оно связано с самой невозможностью потерять свое время»¹⁵.

С этической точки зрения личное время – это зона интима, сравнимая с религиозным экстазом или сексуальностью. В социуме это право на свободный досуг и возможность проявить волю. Фактически картина значительно отличается от большинства постулатов. Трата (изъятие) субъективного времени (речь не идет о рабстве, когда время строго регламентировано хозяином раба), которая встречается повсеместно, начиная с рекламы, которую вынужден смотреть потребитель (формально это не так), работы сверх нормы (не всегда оплачиваемой), участия в обязательных социальных процессах, навязанных властью, и заканчивая пробками, очередями, задержками по выплате как неотрегулированной структурой взаимодействия государства с гражданами, по сути, является одним из видов насилия, не физического, не психологического, но временного. В свою очередь данный вид насилия распространяется на все виды деятельности человека, живущего в рамках системы, где точно подсчитано, сколько необходимо времени на тот или иной процесс; допустим, чтобы получить денежную сумму, способную удовлетворить потребность и сделать человека счастливым, исходя из того,

---

¹² Большой энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия; СПб.: Ленинградская галерея, 1993. С. 250

¹³ Чеснокова В. Язык социологии. Курс лекций. М.: ОГИ, 2010. С. 161

¹⁴ Эпоха Просвещения

¹⁵ Бодрийяр Ж. [Baudrillard J.] Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, Республика, 2006. С. 135

что цены формируются вне зависимости от пожеланий субъекта (кроме черных и блошиных рынков, где цена зачастую формируется прямо на месте, но они уже относятся к теневой экономике, той части системы, которая существует автономно; чаевые официантов). Но именно сбой в системе, столь привлекательной, обещающей изобилие посредством увеличения потребления и производства, приводит к незначительному временному освобождению, хотя многие исследователи подметят, что, благодаря техническому прогрессу, человек получил больше личного времени, рабочий день стал короче, но, в сущности, давление на субъекта переместилось из сферы производства (работы) в область потребления (досуг, свободное время). В данном контексте интересен пример с лишением свободы преступника. Каковы функции тюремного заключения: лишение социальных возможностей (обязанностей и благ), лишение выбора или захват времени? Можно ли отнести недостаток социальной и личностной реализации к отсутствию индивидуально переживаемого времени? Судя по всему, именно в таких условиях обостряется индивидуальное переживание времени, так как субъект оказывается исключенным из глобальной социальной системы (он попадает в сжатое сообщество людей, где действуют более жесткие законы с одной стороны, но, с другой стороны, они не завуалированы сложным социальным взаимодействием, нескончаемым потоком информации, который становится неотъемлемой частью личности человека за пределами тюрьмы, если он не уединился в горах и не дал обет молчания), у него нет возможности включиться в игру растущих потребностей, попасть в капкан двусмысленных рекламных слоганов и стать жертвой двойных политических стандартов. Однако он всеми силами стремится вернуться на «свободу», убежать не только от физических и психологических испытаний, но и от острого интимного переживания времени, когда все внимание привлекает к себе обратный отсчет – дата освобождения или смерти.

Реализация времени в социуме, как и совместное существование субъектов, может проявляться на разных уровнях: к примеру, на уровне ощущения времени (личное время) и процессов, связанных с его материализацией в рамках жизни субъекта, или на уровне взаимодействия субъектов, групп. Это может быть и уровень институций, связей между ними, где общее время занимает господствующую позицию по отношению к личному. В случае с ощущением времени происходит социальное обособление с общим временем, это зона интима, в которой отображаются индивидуальные особенности восприятия времени субъектом. В поле социума субъект действует в рамках социального дискурса, зона интима вынужденно уходит на второй план, вместе с тем и время приобретает иной статус – оно становится общим не в плане коллективного переживания, а в плане обязательства отдавать собственное время и получать чужое (в условиях современного потребления функционально продавать и покупать, например, получать зарплату, отработав определенное количество часов, а затем тратить ее на приобретение услуг (чужого времени) и т. д.). Социальные, государственные институты – это наиболее динамичный и вместе с тем фиктивный по отношению к нейтральности времени уровень. Ключевую роль играет манипуляция временем целых институтов, крупных социальных групп, диктующих свои временные условия стратам или субъектам, максимально отдалившимся от интимного переживания времени. Подобные общественные структуры являются основой коммуникации между этническими группами, государствами, внедряя культурные кодексы, запреты, экономические модели и политический стиль управления (госаппарат, структуры бизнеса, СМИ, университеты, дифференцированные группы потребителей и пр.). В сущности, субъект постепенно отдалается от личного времени в той или иной степени на каждом из уровней – даже на уровне восприятия времени, но в условиях современности это не приводит к восстановлению общего пространства – архаического коллективизма, скорее начинается отчуждение, потому как субъект опирается на общественный договор¹⁶ и в отношении времени. В этом про-

¹⁶ «Левиафан» Т. Гоббса, «Два трактата о правлении» Д. Локка, «Об общественном договоре» Ж.-Ж. Руссо

цессе время находится в центре. Но влияние времени на субъект и ответные попытки повлиять на время (по сути, изменение представлений о времени и использование этих представлений) не ограничивается полем этического и социального. Политика вторгается в ход времени, выстраивая иерархическую систему, структурируя его в собственных интересах¹⁷.

Иерархические системы управления, где власть занимает верхушку вертикали, несмотря на наличие инверсивных связей, когда управляемый оказывает влияние на управляющего и может занять позицию лидера, до сих пор актуальны в современном сообществе. Формирование государственных и негосударственных институтов, законов, в рамках которых проходит политическая жизнь определенного сообщества, напрямую связано с аппаратом давления, то есть навязывания на рациональной основе органов власти. В этом смысле политическая система формируется и действует в социальной среде как поводырь и состоит из нескольких компонентов: организационный (организация общества), культурный (формирование общего сознания, психологии и идеологии), нормативный (социально-политические и правовые нормы), коммуникативный (информация), функциональный (непосредственное осуществление управления)¹⁸. В этой связи стоит обратиться к «Анти-Эдипу»:

«Возможно, что всегда было только одно государство – духовное или временное, тираническое или демократическое, капиталистическое или социалистическое – государство-пес, которое „говорит в пене и в вое“. Нищие дают намек на то, как действует этот новый социус, – беспрецедентный террор, по отношению к которому древняя система жестокости, формы дрессуры и наказания – просто ничто. Согласованное разрушение всех первобытных кодирований или – что еще хуже – их насмешливое сохранение, их сведение к состоянию второстепенных деталей в новой машине, и новый аппарат вытеснения»¹⁹.

Каждый из компонентов так или иначе связан со временем. В организации общества время играет едва ли не основную роль, начиная с дней недели, делового календаря, когда каждый из институтов взаимодействует друг с другом в определенных временных рамках, ориентируясь на дату вступления закона в силу, сроки отчетности и т. д., и заканчивая социально-политическими и правовыми нормами, культурно-историческим взаимодействием эпох (в том числе идеологии, национального сознания и психологии), передачей информации (коммуникативная функция, соревновательный аспект).

Но еще более напряженное столкновение времени можно наблюдать в экономике, так как время напрямую связано с финансовым оборотом, деньгами, которые постепенно начинают замещать некоторые функции времени, превращаясь в универсальную единицу коммуникации. Основная сложность заключается в том, что денежный оборот, в отличие от времени, имеет свойство ускоряться; в этом случае объем денежной массы увеличивается наряду с ростом производства и развитием усовершенствованных технологий. Однако числа, используемые для подсчета времени и денег, в корне отличаются друг от друга. Деньги – абстракция, отвлеченное понятие, как число и время, но в отличие от числа, деньгами можно измерять некоторые свойства и результаты деятельности человека, факты, тогда как время соотносится с определенным периодом, дифференцируемым, дающим возможность выявить не столько факты, сколько соотношение видов деятельности и условий, в которых она была произведена.

¹⁷ Подробнее о социокультурном процессе см.: Орлова Э. А. Процессы формирования референтных образований (образцов, ценностей, норм) в социально значимых ситуациях // Обсерватория культуры. М.: РГБ. 2011. N 1. С. 4—13

¹⁸ Севостьянов Д. А., Шевченко Н. П. формальные свойства иерархических систем и проблема инверсивных связей // Обсерватория культуры. М.: РГБ, 2011. N 1. С. 98—101

¹⁹ Делез Ж., Гваттари Ф. [Deleuze G., Guattari P.-F.] Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатер.: У-Фактория, 2007. С. 302—303

С точки зрения экономики в числах (статистика, ВВП, ВНП, ВП и пр.) скрывается тенденция к развитию, которая сопровождается фиксацией изменений в тех же числах. Но в целом за границей числовых показателей остается огромный пласт неизмеримых действий как субъекта, так и целых систем:

«Мы говорим здесь о самом экстраординарном блефе [ВНП] современных обществ – о процедуре „белой магии“ с цифрами, которая в действительности скрывает черную магию коллективной околдованности. Мы говорим об абсурдной гимнастике бухгалтерских иллюзий, о национальном счетоводстве. Принцип этой магии – не учитывать ничего, кроме факторов видимых и поддающихся измерению соответственно критериям экономической рациональности. На этом основании в магическом подсчете не учитываются ни домашний труд женщин, ни научные исследования, ни культура – и напротив, в нем могут фигурировать некоторые вещи, не имеющие к росту никакого отношения, только в силу того факта, что их можно измерить. Кроме того, подобные подсчеты имеют то общее с мечтой, что они не учитывают негативности явлений и складывают все – вред и позитивные элементы, – следуя всеохватывающему алогизму (отнюдь не невинно)»²⁰.

В мире изобилия и потребления экономика слишком жестко вторгается в психику человека, являясь не только следствием, но и причиной многих проблем, находящихся в дискурсе психологии и психоаналитических теорий. Отчаяние, которое пронизывает жизнь человека, связано с временным фундаментом (отчаяние бесконечного), его ограниченностью и бесконечностью одновременно, с потреблением в поиске изобилия. Согласно Серену Кьеркегору,

«я – это синтез конечного, которое ограничивает, и бесконечного, которое делает безграничным»,

а воображаемое вначале держится за воображение, однако воображение касается чувств, значит, воли, поэтому можно иметь воображаемое чувство, знание и волю²¹. Получается, что воображаемое порождает и воображаемые знания, ощущения, временной аспект, отданный государству, социальной системе сообщества, также превращается в нечто воображаемое, переживаемое не внутренне, а внешне, через взгляд на часы, через подсчет времени, над которым потерян условный контроль субъекта, он как роль реализован в жизни субъекта, и кажется, что каждый реализовывает собственную действительность, но на самом деле, субъект выбирает из узкого круга предложенных моделей экзистенции (профессия, социальная роль, статус и функции в обществе), либо вырабатывает собственную модель, которая рано или поздно вступает в конфликт с более распространенной моделью, принадлежащей большей по численности и сфере влияния группе. Именно недостаток бесконечного ограничивает восприятие человека.

«Рефлексия людей... ничего не понимает в той скудости и узости, которая заключена в потере Я, – потерянного уже не оттого, что оно испаряется в бесконечном, но оттого, что оно заключает себя в глубины конечного, равно как и оттого, что, вместо того чтобы быть Я, оно

---

²⁰ Бодрийяр Ж. [Baudrillard J.] Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, Республика, 2006. С. 46—47

²¹ Кьеркегор С. [Kierkegaard S.A.] Болезнь к смерти. М.: Академический проект, 2012. С. 47

становится всего лишь шифром, еще одним человеческим существом, еще одним повторением вечного нуля»²².

Время перестает быть ощущением, оно превращается в шифр, код, по которому ориентируется в социуме субъект, но он не переживает его, лишь статистически проживая. Отсюда появляется дополнительная потребность, необходимость не в самом времени, а в его реализации, то есть максимальном насыщении событиями, действиями (работой, покупками и т. д.). Являясь синтезом конечного и бесконечного во времени (с точки зрения науки биологическая смерть, с точки зрения религии реинкарнация, загробная жизнь), субъект постоянно оказывается в отчаянии, порой лишь подсознательно, тем не менее, данное противоречие скрывает система, в которую интегрирован человек.

«Фатальность должна быть повсюду предложена, обозначена, чтобы банальность этим насытилась и получила оправдание. Чрезвычайная рентабельность сообщений об автомобильных происшествиях на радио, в прессе, в индивидуальном и национальном мышлении доказывает сказанное: это самое наглядное проявление „повседневной фатальности“, и если оно эксплуатируется с такой страстью, то именно потому, что выполняет важную коллективную функцию. Рассказы об автомобильной смерти испытывают, впрочем, конкуренцию со стороны метеорологических прогнозов; в обоих случаях мы имеем дело именно с мифической парой: одержимость солнцем и сожаление в связи со смертью неразделимы»²³.

Стало быть, речь идет не только о временном отчаянии, но и о временных вещах, связанных с количественной рефлексией. Кьеркегор утверждает, что

«отчаиваться – значит просто страдать, при этом пассивно подчиняются давлению извне, а отчаяние никоим образом не приходит изнутри как действие...»²⁴.

Именно нехватка времени компенсируется избытком временных вещей. Смещение в сторону произведенных предметов (по сути, овеществление времени) является основной проблемой социальной, политической, экономической, психологической и духовной жизни субъекта, помещенного в условия жесткого капитализма. Но показательными являются и процессы, происходящие в языке. Сопоставление языка и времени на первый взгляд кажется метафорой, однако при более детальном анализе раскрываются важнейшие особенности, свойственные обоим феноменам. Гюстав Гийом определяет механизм актуализации времени:

«В ходе преподавания был провозглашен принцип, согласно которому время не может быть представлено самим собой, а заимствует свое представление там, где оно имеет место у пространственных средств. Однако эту операцию человеческий мозг выполняет или не выполняет в самом себе... Сознание человека таково, что оно имеет опыт времени и не имеет его представления, таким образом, возможностью представления обладает только пространство»²⁵.

Но время обретает себя в языке. К такому выводу Гийом пришел посредством анализа грамматических свойств глагола:

---

²² Там же, с. 50

²³ Бодрийяр Ж. [Baudrillard J.] Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, Республика, 2006. С. 12—13

²⁴ Кьеркегор С. [Kierkegaard S.A.] Болезнь к смерти. М.: Академический проект, 2012. С. 68

²⁵ Гийом Г. [Guillaume G.] Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. С. 9—10

«Акт представления с точки зрения семиологии выражается спряжением глагола, которое (это было показано) просто обозначает последовательные моменты данного важного акта представления»²⁶.

Соответственно, время (в том числе языковое), построенное по образцу пространства, имеет свою глубину, ширину и высоту, представляемые временной системой. Но систему времени, в отличие от языковой системы, субъект меняет в своем представлении, тогда как язык, существующий так же автономно, как и время, ориентированный на большинство владеющих им субъектов, зависит от определенной группы носителей, подсознательно выбирающих ту или иную форму, аспект развития. Язык моментально реагирует на любое изменение в окружающей человека действительности, поскольку является инструментом коммуникации. В отличие от времени язык на практике взаимодействует с его носителем, в определенной степени влияет на него и подвержен влиянию с его стороны (введение терминологии, тенденции к синтетизму и анализиру, языковые нормы), тогда как время оказывает влияние на субъект только в его сознании, из чего следует дальнейшее преобразование в окружающей действительности:

«Главное в этом контексте (метафорика „спонтанности“, „производства“, „работы“) – выдвигание на первый план такой характеристики как конституирование. Именно конституирование включает в себя и синтез – схватывание, и временную протяженность»²⁷.

Конституирование, по мнению Эдмунда Гуссерля, лежит в основе сознания времени, объективного и имманентного. Именно посредством конституирования происходит синтез с информацией извне, важнейшей частью которой является язык в широком смысле (восприятие внешних предметов, которые вырабатываются из составляющих сознания). Язык по своей сути уникальное явление, формирующееся в индивидуальном сознании, но способное создавать и видоизменять общественное (групповое) сознание. Для того чтобы выразить время, необходимо пространство, чтобы выразить мысль, побуждение, чтобы передаваемое было названо, необходим язык, состоящий из системы речевых сигналов, письменных знаков, к примеру, язык живописи, кино, язык глухонемых и т. д. При помощи сигналов и письменных знаков язык отражает результаты познания действительности. Возникая и развиваясь в обществе, он становится объективным явлением, созданным, в сущности, самим сообществом, он существует и функционирует, опираясь на общность, а не на субъекты. Человек вынужден овладеть языком, выработанным предыдущими поколениями. Но существует научная позиция, определяющая, что имманентный, внутренний язык имеет собственную нишу, связанную не столько с действительностью, сколько с сознанием и пространством. Новаторская для своего времени теория Жана Пиаже и Л. С. Выготского о внутренней речи посвящена изучению данной проблематики. Внутренняя речь является определенным этапом в процессе формирования речевого высказывания, она первична по отношению к внешним факторам и находится в сознании субъекта:

«...Внутренняя речь есть совершенно особая функция, что в известном смысле она противоположна внешней. Если внешняя речь есть процесс превращения мысли в слова, материализация и объективация мысли, то здесь мы наблюдаем обратный по направлению процесс – процесс, как бы идущий извне внутрь, процесс испарения речи в мысль. Но речь вовсе не исчезает и в своей внутренней форме. Сознание не испаряется вовсе и не растворяется

---

²⁶ Там же, с. 9

²⁷ Гуссерль Э. [Husserl E.G.] Собрание сочинений: Феноменология внутреннего сознания времени: в 3-х т. Т. 1. М., 1994. С. 12

в чистом духе. Внутренняя речь есть все же речь, то есть мысль, связанная со словом»²⁸.

Однако речь является лишь частью языка, он начинается не с жеста (язык глухонемых), не с речи или написанного слова, – все это лишь выраженное в языке, но сам он исходит из замысла, идеи, которая, согласно трактовке Ж. Делезом Юма, пребывает в воображении²⁹. В этом смысле данный процесс напоминает реализацию времени в пространстве, хотя оно не может быть воплощено в конкретных предметах (за исключением «следов времени на вещах», часов и т. д.), а язык через наименование предметов и процессов как раз становится означающим, прибором описания и систематизации окружающего мира.

С точки зрения этики язык вынужден скорее реагировать на изменение представлений, норм и форм поведения, культуру – одну из форм запрета по Зигмунду Фрейду³⁰, которая регламентирует свободу выражения и волю. Это один из главных аспектов, способствующих развитию языка. Клод Леви-Стросс определял язык как продукт культуры и в то же время ее составляющую часть, как условие ее существования. Язык в разработанной им модели – это один из главных факторов формирования культурных кодов³¹. Но как и несвобода времени, так и несвобода языка связана с социальными процессами в обществе, однако если в случае со временем действует миф об изобилии (наличие вещей, экономящих время при выборе и при использовании), нагромождение из общественных институтов, в основном экономических и политических (производство, распределение, потребление материальных благ, правительственные организации, армия, правовая система), препятствует свободному проникновению времени в жизнь субъекта, несмотря на пока еще не потерянную способность к восприятию времени, то язык напрямую репрессирован властью (государство, религиозное построение, право и т. д.). В истории существует огромное количество примеров, когда язык становился наряду с иными инструментами принуждения – физическими, экономическими, идеологическими – рычагом насилия (нацистская Германия, Советский Союз 20-х годов). Языковая атака предполагает уничтожение свободного ассоциативного ряда, который заменяет устойчивый ряд, сформированный на вытеснении одних значений (иногда слов и целых лексических групп), «нормативным» (к примеру, «светлое будущее», «дружба народов», «великие свершения» и др.), а

«каждая система оценок выражается с помощью определенных слов, чаще всего имеющих привлекательные ассоциации, но используемых крайне неопределенно»³².

Обращение языка в социуме имеет форму коллективной рефлексии, которая одновременно выражается в практической деятельности субъектов, целых институтов, формирует идеологию. Именно в процессе диалога – акта коммуникации – выявляются важные стадии взаимного влияния и образования мнения. Юрген Хабермас выделил несколько подобных стадий: язык как символическая опосредованная интеракция, в ходе которой формируется сознание другого; пропорциональная речь, основанная на позиции наблюдателя; аргументирующий дискурс, в котором появляется место для реализации этического признания другого как условия коммуникации. Язык как интеракция и пропорциональная речь распределяет социальные

²⁸ Выготский Л. С. Мышление и речь // Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. М.: АСТ; Астрель, 2008. С. 506

²⁹ Делез Ж. [Deleuze G.] Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза: пер. с франц. М.: ПЕР СЭ, 2001. С. 9—27

³⁰ Фрейд З. [Freud S.] Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. СПб.: Алетейя, 1997. 222 с.

³¹ Леви-Стросс К. [Lévi-Strauss C.] Первобытное мышление / пер. с франц. А. Б. Островского. М.: Республика, 1994. 384 с.

³² Алимарин С. И. Язык и власть [Электронный ресурс] / С. И. Алимарин // МОЛ, 2001. N 2. Персональный сайт Сергея Ивановича Алимарина. URL: http://moljane.narod.ru/Journal/01_2_mol/01_2_alim.html (дата обращения: 26.11.2012)

роли в отношениях; аргументирующий дискурс напрямую связан с легитимацией власти, определением ее функций и обязанностей³³. Так язык является одновременно объектом влияния и влияющим субъектом.

В социолингвистике распространена классификация языка по социальной дифференциации, типологии языковых ситуаций, определяемых главным образом социальными факторами. Но в контексте языкового пространства это лишь категории выражения, реализации языка. Однако существует важная деталь, нюанс, стремительно избегающий анализа. Насколько молчание может соотноситься с высказыванием, настолько язык может избежать реализации в пространстве. Молчание может быть направлено на адресата с целью передачи информации, тогда сохраняется коммуникативная функция языка:

«Можно много говорить и ничего не сказать. Можно молчать и сказать многое»³⁴.

Время также может избегать реализации в пространстве, однако сохранить при этом модус течения – длительность.

Действие политической системы схоже с действием системы языка, так как обе они основываются на акте захвата (захват носителей языка, захват граждан, подчинение своду законов, культурное табу и т. д.). Если не рассматривать взаимное влияние языка и политики, а остановиться на структурах их действия, правилах социальной игры, то открываются весьма широкие горизонты для анализа. Политическая система, как и язык, строится на определенной основе, удовлетворяющей потребности и интересы большинства. Главной задачей нормативной основы является регулирование политических отношений между властью и субъектами (гражданами). Язык координирует отношения субъектов и групп, но именно с появлением языка стала возможна политика. Ролан Барт отмечает языковой код власти:

«Языковая деятельность подобна законодательной деятельности, а язык является ее кодом. Мы не замечаем власти, таящейся в языке, потому что забываем, что язык – это средство классификации и что всякая классификация есть способ подавления...»³⁵.

Язык – это политическая система, иерархия определенных знаков, множеств означаемых и означающих, направленных в пространство. Но речь идет не о территории, на которой распространяются те или иные законы, формы политической жизни и нормы поведения, а о поле повседневности, в которой наши представления занимают различное положение по отношению к объектам, идеям, восприятию субъектов, близости-дальности ощущений, направленности действий и мотивов. Иначе говоря, пространство – зона, в которой происходит реализация накопленного воображаемого, вместе с тем эта зона является и памятью, позволяющей в протяженности видеть генезис человеческих идей и определить объем познания. Реализация языка в пространстве сопоставима с реализацией политики в нем же. Политика материализуется в предметах, в территории только благодаря экономике (производство, обмен, денежный оборот и т. д.) и вооружению (захват территорий, рынков, сырья и т. д.), ее основное место действия – сфера идеологии в пространстве. Политика начинает существовать лишь с момента реализации того или иного решения, но никак не раньше. Политические теории остаются в рамках пространства восприятия, но они не обладают направленностью, протяжен-

---

³³ Марков Б. В. Мораль и разум. М., 2002. С. 328

³⁴ Назарова С. А. Философия языка как ключ к пониманию бытия в исторической ретроспективе [Электронный ресурс] // Credo new. СПб, 2009. № 4. Теоретический журнал. URL: <http://credonew.ru/content/view/854/61/> (дата обращения: 30.01.2013)

³⁵ Барт Р. [Bart R.] Актовая лекция, прочитанная при вступлении в должность заведующего кафедрой литературной семиологии в Коллеж де Франс 7 января 1977 года [Электронный ресурс] / пер. с франц. Г. К. Косикова: ВГБИЛ / Р. Барт // Философский портал. URL: <http://www.philosophy2.ru/library/barthes/lect.html> (дата обращения: 08.02.2013)

ностью. Язык в пространстве действует схожим образом, его выход за рамки поля повседневности позволяет человеку реализовывать его в предметах, по сути, создавая их:

«Как показал Якобсон, любой естественный язык определяется не столько тем, что он позволяет говорящему сказать, сколько тем, что он понуждает его сказать. Так, говоря по-французски (я беру лишь первые пришедшие на ум примеры), я вынужден сначала обозначить себя в качестве субъекта и лишь затем назвать совершаемое мною действие, которое таким образом оказывается не более, чем моим атрибутом: получается, что то, что я делаю, есть всего лишь следствие и последствие того, чем я являюсь»³⁶.

Так субъект, называя предметы, создает из них при помощи языка атрибут, «продолжение себя». Одиночество, индивидуальное действие (молчание) не отменяют внутреннего языка, диалога, если речь не идет о серьезных перверсиях и обетах. Язык опирается на доступные для субъекта методы познания.

Связь языка и экономики не столь очевидна на первый взгляд. Поля политики и экономики встроены друг в друга не только по причине взаимной зависимости, но и в связи со стилем управления. Одной из основных задач экономики, полностью зависящей от окружающей действительности, о каком бы периоде времени ни шла речь, остается стремление овладеть этой действительностью, то есть трансформировать зависимость от нее в господство (экономическая власть настолько широко рассеялась, что постепенно лишается контроля; место традиционного контроля занимает конкуренция свободного рынка). Но если экономика является конечной целью, то политика превращается в орудие для достижения этой цели, промежуточным звеном в цепи социального управления. Правительство определяет права собственности, регулирует рыночный диапазон сделок, распределяет ресурсы, чтобы актуализировать собственную территорию.

Язык, воспроизводящий механизм захвата (язык овладевает субъектом, который вынужден на нем разговаривать), выполняет те же функции в пространстве, только для достижения цели ему не требуется посредник, так как механизм, позволяющий выучить язык, заложен в природе человека, в его способности к восприятию. Экономика производит и завоевывает, язык завоевывает и воспроизводит:

«В нашей речи царит экономика богатства и расточительства – утопия изобилия. Но если применительно к материальной экономике это „изобилие“ и расточительство являются чертой недавней, исторической, то в отношении устной или письменной речи они предстают природным, всегда уже данным фактором. Утопия богатства, которого есть и всегда будет много, в любой момент хватит на всех, кто сколько захочет. Утопия безграничного языкового капитала как потребительной и меновой стоимости. Чтобы производить значения, каждый человек занимается накоплением и накопительным обменом означающих, истинная суть которых не в них самих, а в их эквивалентности тому, что они обозначают (можно сказать это короче – краткость является моральной добродетелью, но это всего лишь экономия средств)»³⁷.

Возникновение речи, взаимодействие языка и психики перестраивает основные процессы, происходящие внутри субъекта: восприятие, мышление, воображение, память. Психика проявляет себя в образах, связанных с окружающей средой, а сами образы являются носителями свойств и отношений, характерных для представляемых объектов. Язык основан

---

³⁶ Там же

³⁷ Бодрийяр Ж. [Baudrillard J.] Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 337

на знаках, которые содержат в себе некоторые сведения о действительности; эти знаки являются медиаторами между образами и субъектом. К примеру, слово «дверь» (языковой знак) состоит из звуков, не дающих нам сведений о функции двери, ее структуре. «Дверь» соотносится с определенным образом (конкретная дверь) и ситуацией (что происходит с дверью). По Гуссерлю, интенциональность в модусе желательности, заинтересованности содержит в себе субъективный компонент – психику (переживание, проживание акта созерцания)³⁸, а язык, направленный на предмет, лишен субъективности, так как по своей сути является означающим, которое априори существует до желания субъекта, вне его воображения, довольно схематичен. Более того, для психоаналитика язык скорее не средство коммуникации, не носитель информации, а средство, чтобы скрыть эту информацию, подавить и вытеснить желание. Согласно исследованиям Жака Лакана,

«бессознательное выстроено как язык»³⁹.

Получается, что язык и психика направлены изнутри вовне – на предметы, понятия

(«Язык с его структурой возникает раньше, чем конкретный субъект на определенной стадии своего умственного развития в него входит...»⁴⁰),

структурированы схожим образом, но фактически реализовываются по-разному, исходя из наличия индивидуальной психики и отсутствия индивидуального языка в социуме. В. Руднев в статье «Язык и смерть» подчеркивает, что

«язык обесценивает, что скрыто за желанием, но он не только обесценивает это, он ему придает некий обыденно-терпимый статус, тогда как то, что скрывается за речью, всегда экстраординарно и нестерпимо»⁴¹.

Оставшаяся часть триады – деньги – является безусловным и важнейшим аспектом коммуникации между субъектами. Деньги как чистый факт обмена обнаруживают превосходство над прочими вариантами взаимодействия двух и более людей. Именно опыт, основанный на знании того, что было, проецируется в будущее. Прежде всего это характерно для денег. Выход из кризисов, вмешательство государства в рыночную экономику, стремление управлять неуправляемым процессом развития рынка, разработка возможных сценариев развития ситуации основывается на анализе произошедшего и происходящего, однако этот анализ всегда отстает, теряет актуальность, потому как скорость движения денег, их оборота постоянно увеличивается. Финансовая категория (ступень) стоит значительно выше общественной, является важнейшим критерием успехов субъекта. Но достижение всех целей – неизбежный конец.

«В самом деле, конечная цель подразумевает две вещи: она приложима к существам, которые следует рассматривать как цели-в-себе, и которые, с другой стороны, сообщали бы чувственно воспринимаемой природе последнюю цель для осуществления»⁴².

Весьма вероятно, что попытка разобраться в том, насколько значима роль денег в достижении той или иной цели, как соотносятся деньги с категорией причинности в современном обществе, а главное, как соотносятся экономические мифы, позволит создать новое экономическое пространство. Мышление продуктами производства давно сменилось денежным мыш-

³⁸ Гуссерль Э. [Husserl E.G.] Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии /пер. с нем. А. В. Михайлова. Т. 1 [1]. М.: ДИК, 1999. С. 74—103

³⁹ Лакан Ж. [Lacan J.] Четыре основных понятия психоанализа. Семинары: Книга XI (1964). М., 2004. С. 25—30

⁴⁰ Лакан Ж. [Lacan J.] Изнанка психоанализа. Семинары: Книга XVII (1969—1970). М., 2004. С. 56

⁴¹ Руднев В. Язык и смерть // Логос, 2000. N 1 (22). С. 115

⁴² Делез Ж. [Deleuze G.] Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза: пер. с франц. М.: ПЕР СЭ, 2001. С. 192

лением. Деньги получили собственную независимую категорию мышления, более того, с точки зрения наличия/отсутствия денег рассматриваются любые общественные события (инициатива), индивидуальные возможности, способности группы или крупного сообщества (принцип оценки субъектов и событий согласно платежеспособности).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.